

УДК 111:572

В. А. Косяк

Сумской государственной педагогической
университет имени А. С. Макаренка**«ВСЕПРИСУТСТВИЕ ЗЛА», ЕГО КОНСТРУКТИВНОСТЬ, ЕМУ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

В статье обсуждаются онтологический статус зла, его вездесущность и «амбивалентность», проблема выбора между добром и злом. Анализируются конструктивные возможности сил зла для укрепления сил добра. Показаны подходы к противостоянию злу.

Ключевые слова: добро, зло, «черные истины», конструктивность зла, противостояние злу.

Булгаковский Воланд (популярностью своей в среде читающей части человечества не уступающий уже, пожалуй, гетевскому Мефистофелю) посрамляет двух незадачливых литераторов – вульгарных материалистов – за их неверие ни в Бога, ни в Черта. Перед тем он спросил у них: «А дьявола тоже нет?... Так, стало быть, так таки и нету?» [1, 45]. И получил утвердительный ответ. Дьявол олицетворяет зло, «которое всегда с нами». Зло онтологично, его тень сопутствует нам всюду, и мы, будь-то визионерами или нет, всегда ощущаем его явное или незримое присутствие. Г. Гегель в «Философии права» говорит о «необходимости зла» как принципе субъективной индивидуальности, который хочет победить моральность. По метафоре К. Ясперса, «метафизическое зло» вплетено в «ковёр жизни» человека в качестве основного феномена.

Беспрецедентный рост жестокости – одного из феноменов «болезней цивилизации» – делает проблему зла (приобретшего характер пандемии) достаточно актуальной для философско-религиозного и философско-антропологического дискурсов о природе человека. В Украине с июля 2001 года издается журнал «Социально-психологические и медицинские аспекты жесткости» (Киев, издательство «Сфера»). Сложилась и новая наука – виктомология, – изучающая последствия жесткого обращения с людьми. Переиздание (2007; 2009) книги И.А. Ильина «О сопротивлению злу силою» (впервые изданной в 1925 году) – это та же аподиктичная симптоматика пандемии зла. Целью исследования (фрагментом которого является данная статья) видится рефлексия, в парадигме философии человеческого бытия, вечных, многозначных и противоречивых сил зла в перипетиях и коллизиях их бинарных связей и отношений с силами добра – двух сил, «приводящих во вращение колесо жизни».

В поиске ответа на риторический вопрос, почему зло всегда с нами, можно апеллировать к Архангелу Михаилу. В Апокалипсисе сказано, что тот сковал дракона – символ зла – и запер его на тысячу лет. «Сковал», «запер», но

не уничтожил, хотя имел на то власть. Можно трансцендировать с этим вопросом и к Всевышнему, и прийти к пониманию того, что зло всегда с нами потому, что Бог соглашается с его существованием; «добро и зло – две силы, приводящие во вращение колесо жизни». В манихействе добро и зло выступают как изначальные и равноправные принципы бытия. «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?» – Так искушает Воланд своими вопросами бывшего сборщика податей Левия Матвея, ученика Иешуа Га Ноцри [2, 375].

В библейской притче о плевелах хозяин поля велит рабам оставить расти вместе то и другое (Матф. 13:24 – 30). Поле – это мир, плевелы и пшеница – злые и добрые люди, которые однажды будут разделены, как плевелы и пшеница во время жатвы. Но поле – это и человек со своими плевелами и зернами пшеницы, – со своей доброй и дурной природой. И как следовать воле хозяина поля: «Дайте плевелам и пшенице вместе расти до жатвы». И когда наступит жатва? И не обустроятся ли к тому времени в человеке пороки со всею основательностью, не сделают ли они из него своего покорного раба? Не лучше ли их – плевелы-пороки не впускать в себя? (Гетевский Фауст, обладая оккультным знанием, поместил над своей дверью пентаграмму, чтобы помешать элементам войти, а добрым духам – выйти: в духовной сфере запрещения обозначаются символами и талисманами, которые духи понимают и соблюдают). Но чтобы не впустить в себя зло, быть свободным от злых мыслей, слов и дел, учат христианские наставники, нужен свет – знания сути вещей; тепло – любовь к божественному идеалу; чистота – примерная жизнь. Немногие имеют такую триадную личностную силу, и потому немногие могут противостоять «вирусу зла». (Не впустить в свою душу зло, не позволить ему зародиться в ней – всегда было важнейшей нравственно-религиозной максимой в зороастризме).

Зло и добро так сплетены между собой, что вырывая первое, рискуешь погубить второе. Поэтому представляется возможным использовать элементы сил зла для укрепления сил добра. Так, ветка культурной груши, будучи привитой на ствол дикой груши, пользуется силой дикого дерева. Этот пример наводит на мысль о конструктивности силы зла. Ведь зло – это не только убийство, ложь, выживание за счет других, война всех против всех. Со злом связываются также нонконформизм, маргинальность в науке, философии, искусстве, нетривиальность, творчество; все то, без чего невозможно трансгрессирование, прогрессирование, устранение изжившего себя, косного. Устранение же чего-то и где-то всегда кого-то и где-то задевает, наносит ущерб, оборачивается для кого-то злом. Чьи-то творческие силы тоже могут быть для кого-то разрушительными. Предельное проявление творческих сил характеризует гениев. Казалось бы, гениальность – это наиболее

антропологически позитивная характеристика личности, которая должна именно так и восприниматься. Однако, пишет Н.В. Хамитов, это не так. Гениальность продуцирует деструктивность – внутренне и внешне. Есть две экзистенциальные причины, которые продуцируют деструктивность, связанную с гениальностью. Первая причина связана с тем, что гений всегда создает новую традицию или даже несколько традиций (ибо силы гения универсальны). Традиции – это схваченный в культуре дух времени. Поэтому гений в своих произведениях и поступках выявляет новый дух времени. И при этом осознанно или неосознанно разрушает предыдущий. Такая деятельность гения вызывает сопротивление его современников – тоже осознанное или неосознанное. Разрушение гением предыдущего духа времени, объективированного в традициях, на самом деле означает его глубинное возрождение – формирование новых традиций переживания, мышления и созидания, которые включают в себя предыдущие как динамичные элементы. Однако приверженцы старого духа времени, воспринимая его как абсолютную ценность, стремятся отстраниться от гения или изолировать и замолчать его. Ведь гений уничтожает абсолютную ценность прошлого в жизненном мире огромного количества людей. Таким образом, фундаментальной причиной деструктивности, имманентной гениальности является создание нового духа времени на основе отрицания абсолютности предыдущего. Это с необходимостью вызывает поток деструктивности со стороны тех, кто глубинно вжился в традиции своего времени. Другая причина обусловлена тем, что гениальный человек уже самим фактом своего существования получает от менее проявленного человека (иногда необыкновенно талантливого) поток деструктивности в виде *ressentiment*'а – глубинной зависти к гению. Здесь можно говорить о «комплексе Сальери»: талантливые люди экзистенциально страдают от присутствия рядом людей гениальных, порождая вокруг них своеобразную негативно-антропологическую, танатическую атмосферу и угнетая тем собственные способности [4, 14]. Поэтому гению необходима незаурядная мужественность – «мужество быть собой» (Г. Зиммель), чтобы противостоять «обычному добру», которое часто лишено силы для устранения устаревшего, лежащего камнем на дороге.

Антропологическая мысль о конструктивности зла обрела содержательную форму к окончанию эпохи Возрождения. Вызрело понимание того, «что добро есть продукт определенным образом организованного зла» [5, 50], что общее благо достигается манипуляциями с глупостью и порочностью людей, что людские преступления тоже приносят пользу в общем ходе истории. Об этом говорили Мандевиль, Вольтер и другие. Томас Гоббс в «Левиафане» верно замечает, что для улучшения жизни необходимы негодяи и честолюбцы крупного масштаба, что можно в благих целях использовать негативную человеческую энергию. Для пользы отечества, наставлял государя Н. Макиавелли, не следует считать людей добрыми. «Строя светлое будущее» надо, зная природу человека, поступать с ним жестко, вести его к лучшей

жизни силой и обманом, потому что язык силы и обмана ему много понятнее, чем резонерские нравоучения.

Лучшие умы Нового времени остро ощущали, что идеалы гуманизма, просвещения и демократии вырастают из темной материи человеческих душ, из «заземленных» человеческих «желаний, вожелений и экстазов». Стало допустимо предполагать, что дурное может быть источником хорошего, что в основе культуры, законов, власти, общества и морали лежит докультурная субстанция, дикое биологическое начало. К этому пониманию пришли Макиавелли, Эразм Роттердамский, Монтень, Гоббс, Вольтер, Ницше, Фрейд [5, 52–53].

В новоевропейской антропологической мысли возобладала идея «позитивных возможностей негативного». Это можно сказать о социальной философии и философской антропологии Спинозы, Мандевиля, Вико, Монтескье, Дидро, Гегеля, Макса Вебера, Фрейда, а также Пушкина, Гоголя, Достоевского. Они задавались парадоксальным и опасным вопросом: можно ли, и как именно можно увеличить общественное благо используя, в том числе дурные свойства людей [5, 53–54]. Против такого вопроса можно было восставать и протестовать в порывах прекраснотворения, но замолчать проблему, уклониться от нее уже было невозможно. Теперь мыслящий человек отваживался знать, какие на самом деле непривлекательные движущие силы скрыты в человеке и обществе. Пришло ясное осознание, что человека надо контролировать и направлять решительно и жестко, чтобы дать ему свет истины, разума и справедливости, что светлое будущее строится из темного и сомнительного человеческого материала. Эта идея – самая жестокая идея Нового времени была не чужда Гегелю, который тоже «отваживался знать» и говорить те «черные истины» о человеке, которые среди обычных культурных людей не полагается произносить [5, 56–57]. По Гегелю («Философия истории») Духовная сила, Мировой Дух заставляет людей идти по дорогам истории в нужном направлении, несмотря на то, что они порочны, и выполнять высшие задачи исторического развития.

Наиболее сильно обосновал конструктивную функцию зла Ф. Ницше: обычное добро добропорядочно по причине витальной слабости его носителей – мещан. Зло же полно жизненных сил, оно целеустремленно и аристократично. Благодаря злу в его борьбе с добром (добропорядочностью) в мире происходит что-то значительное. Его мысль восходит здесь в дискурс созидательной силы, которая не может не быть «злой». Ведь чтобы что-то создавать, необходимо что-то, и даже многое сокрушать, задвигать, опрокидывать, рашищать, наносить урон окружающей среде и людям, как в макро- так и в микромире. Для созидательной силы необходимы глубокий интеллект, талант, высокая образованность, предельная сосредоточенность на высокой цели – атрибуты аристократизма силы, которых лишены филистеры. Эти атрибуты позитивной силы могут служить и «злу», которое бывает необходимо употребить на пути к благу и добру (уничтожить, например, террористов).

Противостоят онтологическому злу можно разное. Прекраснодушной, например, обращенностью к разумному началу в человеке, дабы достиг он состояния «кротости и согласия», на что уповал Р. Декарт. Человек, по Декарту, должен помнить и исполнять божественные законы, для этого ему нужно привлечь всю силу своего разума и всю силу нравственности; обрести власть над стихийной жизнью своего сознания; отказаться от своеволия. Как видим, Декарт поднял нравственно-силовую планку для человечества на изрядную, едва ли достижимую высоту.

Онтологическому злу, убеждает нас А.П. Назаретян, может противостоят лишь культура, которая способна сдерживать человеческую агрессию и агрессию общества по отношению к природе. В социальной эволюции, считает он, действует закон техно-гуманитарного баланса (равновесия) – селектогенеза, посредством которого человечество адаптируется к растущему инструментальному могуществу. Существование социумов не имеет природных гарантий и в значительной мере определяется тем, насколько их пользование энергиями уравновешено мудрым видением отдаленных последствий. И чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем должны быть совершеннее механизмы сдерживания агрессии для сохранения общества [3, 141].

Онтологической темной, иррациональной злой силе можно противостоят святостью, которая становится уделом очень немногих людей, подвижников веры, достигших полноты духовных и нравственных добродетелей через искоренение в себе страстей – источника греховных, злых помыслов. А перед ликом святости иной грешник устыдится и опустит руки.

Злу в себе можно противостоят покаянием как нравственным ростом, очищением души своей от *resentiment*. Раскаяние является признанием своего несовершенства, своей ничтожности перед лицом совершенного и всемогущего Бога. Раскаяние по мысли М. Шелера («Ресентимент в структуре морали») свидетельствует о витальной силе в человеке, мощи его воли, желаний, характера, темперамента. Сила эта, как показывает исторический опыт, может быть так велика, что иной злодей может превратиться в праведника.

Преодолеть царящее в мире зло и идеологию насилия можно, верят истинные (истые) христиане, только просветительством и любовью, следуя святому Франциску Ассизскому, который кротко проповедовал евангельские заповеди милосердия как людям, так и диким зверям. Любовь диктует, чтобы энергия противодействия злу соответствовала энергии его воздействия. Заповедь Иисуса Христа «подставить левую щеку, если бьют по правой» подразумевает не пассивность добра перед агрессивным действием зла. Ее императив – применение в отношении агрессивной энергии такого же энергетического напора духовных сил.

Если бы мы были чисты в своих помыслах, то чисты были бы и наши поступки, и никакие вибрации зла не смогли бы коснуться нас. Но, не имея сил преодолеть свою низшую природу, мы растим в себе плевелы, и носим в себе «вирус зла», который мы восприняли от наших первобытных предков. Пусть

мы не знаем, почему беда пришла к нам именно сейчас; ее приход мы, наверняка, когда-то подготовили сами. А силы любви, чтобы нейтрализовать эманации зла, у нас обычно недостает. Поэтому так важно иметь в себе избыток любви и добра – для собственной же безопасности. Только силами собственного самообладания, бесстрашия и сострадания, возвращенными живой любовью, можно преодолеть затягивающий водоворот зла. Борьба со злом можно только с искренней любовью в собственном сердце. (Преодолевая дохристианское поучение: «Иногда надо быть жестоким, чтобы творить добро»). Сострадание к носителям сил зла, не ведающим о смертельной опасности для них распространяемых ими эманаций зла, должно быть таким же, как и ко всем страдающим добрым людям. Сострадание это – прежде всего мужество любви как по отношению к другу, так и по отношению к врагу, основывающееся на понимании метафизики зла. А посему: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Да будете сынами Отца вашего Небесного» (Мтф. 5:44–45). Однако неверно было бы сводить всю проблему сопротивления злу к прощению личных обид, к «моим» врагам, «моим» ненавистникам и к «моему» душевно-духовному преодолению этой обиженности [2, 138]. «Личные обиды» – это не только личные обиды. Простить обиду – значит погасить в себе злую силу, исходящую от обидчика, и не разжечь в себе ненависть как ответное действие. Однако после прощения нужно что-то делать с обидчиком в порядке «возмездия» как с нераскаившимся насильником, так как его существование – это проблема не для одного пострадавшего и простившего; это – проблема для всех, взывающая к организованной борьбе со злом. Обиженный волен простить *свою* обиду и погасить в *своем* сердце свою обиженность, но не более. Человек не должен прощать обиду, нанесенную другому, или зло, попирающее общечеловеческие установления. В составе каждого преступления есть сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества и закона. Мы не можем лично «прощать», например, тем, кто творит поругание святынь, или предаёт родину. Личное «прощение» как воздержание от всякого суждения, умывание рук и предоставление событиям идти своим ходом есть позиция безразличия и безволия. Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды, но в душе его не должно быть сентиментальных иллюзий, будто зло в злодее побеждено в тот момент, когда он лично простил его. Прощение может быть началом борьбы со злом, но не ее окончанием и победой. Ибо для этой борьбы необходимо иметь силу, и злодей, пока не увидит ее, будет усматривать в «прощении» поощрение, а, может быть, и тайное сочувствие. В этой связи евангельские слова «не противься злему» (Мтф. 5: 39) следует понимать как кроткое перенесение только личных обид, но не обид, чинимых другим людям. Никто не волен подставлять нападающему чужую щеку, растрачивать общественное достояние, позволять злодеям осквернять храмы. И потому, согласно учению Апостолов и Отцов Церкви, «Божьи слуги» нуждаются в мече и «не напрасно носят его» (Римл. 13: 4); [2, 139–140]. Ибо есть люди, которым

лучше не родиться, и есть те, которым лучше быть убитыми, чем злодействовать (Мтф. 18: 6; Марк. 10: 42; Луки 17: 1–2).

Только мужественный, сильный и свободный дух может подойти к проблеме сопротивления злу силой честно, не расслабляя себя словами сентиментальной добродетели. Поэтому, настаивает И. А. Ильин, необходимо навсегда отрешиться от непротivления злу – заблуждения графа Л. Н. Толстого, – воспринятого его фанатическими последователями, слабыми и простодушными людьми, увлекшимися ложной видимостью соответствия непротivления духу Христова учения. Они, по сути, снимают проблему сопротивления злу или бегут от нее. Но тот, кто не сопротивляется злу, тот уступает ему; кто не пресекает его, тот становится его жертвой. (Ср. с зароастрийской мудростью: «Кто избегает встречи со злом, тот трус, потому что склоняется перед насилием»; «кто смиренно терпит зло, тот глупец, потому что приносит себя в жертву насилию»). Всякое злодеяние провоцирует окружающих, побуждая их высказаться, сделать выбор: против зла или в пользу зла. Уклонившийся становится на сторону зла. По Толстому же, коль внешний мир «лежит во зле» и «вечный» закон, правящий им, «безнравствен», то от этого мира нужно бежать, и уж конечно не участвовать в великом историческом бое между добром и злом. Толстой, замечает Ильин, воспринял не человека через Бога, а осмыслил Бога через человека и не человека осветил лучом любви к Богу, а восприятие Бога затемнил состраданием к мучающимся людям. Настоящая религия идет к миропринятию; а это учение идет к мироотвержению. Настоящая религия приемлет мир, но не приемлет восстающего в нем зла и потому ведет с ним борьбу; а это учение не видит мира из-за гнездящегося в нем зла и потому отворачивается и от зла, и от мира [2; 115, 119].

Да, путь силы и меча, говорит И.А. Ильин, не есть праведный путь, но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротivления, как путь предательства слабых, а значит, соучастия со злом. В этой ситуации нет идеального решения. При наличии зла, изливающегося в злые деяния, идеально-праведное ему противостояние оказывается мнимым, бессильным, робким. Мужество же и честность требуют здесь приятия духовного компромисса, который состоит в бескорыстном приятии своей личной неправедности в борьбе со злодеем, как врагом Божьего дела. Компромисс меченосца состоит в том, что он сознательно и добровольно приемлет, берет на себя неправедность, и потому положение его становится нравственно-трагическим. Он берет на себя неправедность, во имя Божьего дела. И то, что он делает в этой борьбе, есть его собственный выбор, его человеческий исход, который он осознает, как духовный компромисс, и который есть его подвиг. Он подымлет этим подвигом бремя мира, он религиозно приемлет эту безвыходность, принимает этот путь, как свою судьбу. В этом приятии своей судьбы и меча человек «полагает свою душу», но утверждает свой дух в его достоинстве. «Он принимает не только бремя смерти, но и бремя убийства; и в бремени убийства не только тягостность

самого акта, но тягость решения, ответственности и, может быть, вины. Его духовная судьба ведет его к мечу; он принимает ее, и меч становится его судьбой» [2, 198–201].

Христос учил не мечу, заметят сторонники непротивления, он учил любви. Но он не учил отказу от меча в военных и государственных делах. И Апостолам Петру и Павелу (1 Петра. 2: 13–17; Римл. 13: 1–7) был понятен положительный смысл неосуждения меча. Христос учил любви; но именно любовь, поясняет Ильин, подымлет и приемлет многие жертвы. «Взявшие меч погибают от меча; но именно любовь может побудить человека принять и эту гибель. Взявший меч готов убить; но он должен быть готов к тому, что убьют его самого: вот почему приятие меча есть приятие смерти, и тот, кто боится смерти, тот не должен браться за меч» [2, 203]. В любви к высокому может уходить страх смерти, и появляется убеждение в необходимости взятия меча. Возможная смерть есть не только «кара», заложенная в самом мече; она есть еще и цена для приемлемости меча во имя того, за что человеку действительно стоит умереть. «За Божие дело – в себе самом, в других и в мире, – имеет смысл идти на смерть. Ибо умирающий за него – отдает меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие. И именно в этой отдаче, именно эту отдачу он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным, ибо себе, человеку, он придает достоинство Божьего слуги. Вот в каком смысле смерть есть мера для приемлемости меча» [2, 203]. Меч, или не меч; сопротивляться злу силой, или нет – этот духовный, нравственный, онтологический компромисс неизбежен для человека на протяжении всей его жизни. Меч, метафора сопротивления злу силой, является атрибутом и всякой государственности – он для нее необходимая опора. «Счастливы, в сравнении с государственными правителями, монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и войну, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение: ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы невозможна» [2, 204].

Вышеизложенное позволяет осмысливать «пандемию зла» злободневной «болезнью» цивилизации в эпоху верификации всех традиционных ценностей. Из всех средств противостояния, сопротивления, пресечения зла в социуме и в каждом человеке православная христианская этика, достойным представлением которой является И. А. Ильин, избирает культ духовной опеки человека. И в последней своей книге «Аксиомы религиозного опыта» И. А. Ильина сутью своей этики видит не применение силы (средства единственно оставшегося и крайнего, которое нужно оставить при первой же возможности), а поиск средств духовных, ибо человек «преобразуется ими (любовью, убеждением, примером, воспитанием), а не силою».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – М. : Издательская группа Азбука-Классика, 2010. – 416 с.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
3. Назаретян А.П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техногуманитарного баланса / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 135–145.
4. Хамітов В.Н. Філософська антропологія у «позитивному» та «негативному» проблемному полі: концепти еросу і танатосу / В. Н. Хамітов // Вісник Інституту розвитку дитини. Вип. 2. Серія: Філософія, педагогіка, психологія: Зб. наук. праць. – Київ: Вид. НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. – С. 5–19.
5. Якимович А.К. Искусство непослушания. О художественном процессе Нового времени / А.К. Якимович // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 47–60.

РЕЗЮМЕ

В. А. Косяк. «Всеприсутність зла», його конструктивність, йому протистояння.

У статті обмірковуються онтологічний статус зла, його усюдисущність і «амбівалентність», проблема вибору між добром і злом. Аналізуються конструктивні можливості сил зла для укріплення сил добра. Показані підходи до протистояння злу.

Ключові слова: добро, зло, «чорні істини», конструктивність зла, протистояння злу.

SUMMARY

V. A. Kosyak. «Ubiquity of Evil», its Constructiveness, Opposition to It.

It is thought over ontological status of evil, its ubiquity and «ambivalence», problem of choice between good and evil. Structural possibilities of evil forces are analyzed for strengthening of good forces . The approaches to withstanding evil are shown.

Key words: good, evil, «black truths», constructive wicked, opposition to the evil.